

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

С. МЕДЫНСКИЙ,
лауреат Ленинской премии

«ЗАПИШИТЕ В СВОЮ КНИЖЕЧКУ...»

Издательство «Искусство» при участии Союза кинематографистов СССР подготовило к публикации сборник «Роман Кармен в воспоминаниях современников». О своих встречах и совместной работе с выдающимся советским кинопублицистом, Героем Социалистического Труда, народным артистом СССР, лауреатом Ленинской и Государственных премий Р. Карменом рассказывают известные советские писатели, кинематографисты, военачальники, журналисты. Предлагаем отрывок из очерка кинооператора Сергея Медынского.

1950 год. Первые числа мая. Вот уже несколько дней, как мы окончили ВГИК и приходим на работу в здание, известное каждому кинематографисту: Лихов переулок, дом 6. Центральная студия документальных фильмов — ЦСДФ. Впечатления первых дней водопадом обрушиваются на нас. И среди калейдоскопа событий — одно, запомнившееся так, как будто оно было только вчера. На лестнице между первым и вторым этажами мне навстречу идет седой (и все еще молодой — ему 43 года!) Кармен. Как любому студенту ВГИКа, мне уже прекрасно известна его биография, его творческий путь, я видел все фильмы, снятые им.

— Здравствуйте, Роман Лазаревич, — почтительно говорю я ему впервые в жизни, еще не зная, что мне предстоит счастье несколько лет подряд работать с этим человеком...

Странно сейчас видеть те самые ступени и те перила, около которых Кармен оставил меня в тот далекий день. Он сказал, что будет снимать фильм «Советская Туркмения» и что он приглашает Васю Катаняна и меня поехать с ним. Васю — ассистентом режиссера Кармена, меня — ассистентом оператора Кармена. Он сказал, что командировка будет длиться полгода, и посмотрел испытующе, как прореагирую. А потом предупредил: «Плюс сорок пять в тени!»

Он всегда говорил заранее: «Имейте в виду, будет трудно. Имейте в виду, это надолго. Будет очень жарко. Будет здорово холодно. Придется много ездить...»

А в Туркмении был зной, палашщее солнце, плотная духота ночей, изнуряющие поездки. Несколько месяцев напряженного ежедневного труда. И ни разу я не видел Кармена измученным, вялым, равнодушным...

— Запишите в свою книжечку, Сережа, — говорил он. — Тому, кто любит раскисать и жаловаться, не стоит работать в документальном кино!

Лето 1950-го. Ашхабад через год после страшного землетрясения. Развалины, временки, строительные леса. Новых зданий совсем немного. Лозунги «Мы восстановим тебя, родной Ашхабад!» Но это восстановление далеко впереди, мы живем в одноэтажной гостинице-бараке, и нельзя сказать, что наш быт безупречно устроен и питание налажено.

Вечереет, и мы едем на очередную съемку. На этот раз в театр. Ашхабадская киностудия помогла нам — дала осветительные приборы, и их, наверное, уже установили под руководством нашего светотехника Яши Левитина, который впервые в жизни будет «светить» самому Кармену!

— Сначала на базар, — вдруг говорит шоферу Роман Лазаревич.

Заезжаем, он выпрыгивает из машины, исчезает в шумной толчее и быстро возвращается с пакетом роскошного винограда. Когда мы входим в полутемный пустой зал, из первого ряда партера поднимается бригадир осветителей.

— Все в порядке, — объявляет он.

— Обедать? — спрашивает Кармен.

— Не успел, — виновато отвечает Яша.

— Держи, — и пакет с виноградом переходит в Яшины руки.

Внимателен он был к людям, вечно занятый, поглощенный делами Кармен? Да. Но без «излишеств». И только, когда он видел, что человек весь отдан своей работе. А допустил послабление, пожалел себя, забыл про четкий необходимый ритм — и незамедлительно в тебя упирется осуждающий взгляд.

Не знаю человека, который настолько ценил бы время, умел бы наполнить его чем-то важным и так открыто боялся бесцельности его потерь. Даже опасение, что так случится, могло привести Кармена в дурное расположение духа.

Утро. Без десяти семь. Выезд назначен ровно на семь. Я заканчиваю бриться и на всякий случай, еще с намыленной щекой, выглядываю из окна гостиницы с третьего этажа. Внизу — одинокая фигура в белом парусиновом костюме. Седой человек ходит взад и вперед вдоль тротуара, и в этом рит-

ме есть что-то угрожающее. На мое счастье, машина еще не подъехала. Добриваюсь и — опрометью вниз.

— Доброе утро, Роман Лазаревич!

— Здравствуйте.

Отвечает сухо и проходит мимо. Потом, следуя обратным курсом, спрашивает еще суше, причем интонация не вопросительная, а утвердительная:

— А попозже вы не могли?

— Роман Лазаревич! — жалобно протестую я. — Так ведь всего пять минут восьмого!..

— А почему я вышел без четверти? — жестко и вроде бы не совсем логично парирует он.

Есть такой термин «на боевом взводе». Это значит, что к выстрелу не надо готовиться, нажми спусковой крючок, и пуля сразу полетит в цель. Снимая фильм, Кармен всегда был именно в таком состоянии. Полная мобилизация всех творческих сил и физических возможностей, постоянная готовность оценить любую ситуацию и прореагировать на нее. И это колоссальное напряжение он воспринимал не как повинность, а как благо. И он не мог, да и не хотел понимать тех, кто не разделял этого чувства.

— Запишите в свою книжечку, Сережа, нельзя быть равнодушным! Нужно быть беспокойным!

...3 октября 1958 года. Уже несколько дней, как наша группа приехала на «Нефтяные камни» снимать второй фильм о нефтяниках — «Покорители моря». Впереди полгода работы, спешить пока некуда — присматриваемся. Вечером — поход в кино. «Олеко Дундич». Героика гражданской войны, танчики, шашки, азарт конных атак. Фильм увлекает, и все мы забываем, что под нами плещут волны и вокруг раскинулся черный ночной Каспий...

Кто-то, наступив мне на ногу, проталкивается по нашему ряду, наклоняется к управляющему промыслом, который сидит около Кармена, и коротко, тревожно шепчет: «В море что-то горит!». Управляющий вскидывается, как стальная пружина. Будто он только и делал, что сидел и ждал этого известия.

Мы выскакиваем из тьмы зала, и вместо мглистого неба, черных волн и цепочки редких фонариков, уходящих вдаль по эстакаде, нас встречают розовые стены домов, небо в красноватых вспышках, багровые отблески на лицах людей, которые заочно смотрят на что-то невидное мне. Надевая пиджак, я шагаю в сторону, чтобы угол дома не загоразживал мне это «что-то», и пиджак остается на одном плече... Обычного ночного моря нет. Есть черно-красное, скачно-жуткое пространство, по которому рассыпаются яркие блики, черные облака с алой подкладкой проносятся над самыми буровыми вышками, а от горизонта куда-то в небо уходит перевернутый конус пламени. Он крутится тугим жгутом и выдвигается из себя черные зловещие клубы дыма. Все качается, блестит и мигает...

— Танкер горит! Людей спасать надо! — раздается звеняще-напряженный крик управляющего. И одновременно:

— Сережа! Камеру!

Потом я всегда укорял себя, что не первым вспомнил о камере. Я, оператор-документалист, встал и, полунадев пиджак, стоял с разинутым ртом, глядел, как мечется эта непонятная угроза, расклевывающая ночь. Уж не знаю, сколько бы я стоял и смотрел, но, услышав голос Кармена, кинулся в общежитие. Мой ассистент Алеша Вабаджан — за мной. Комнаты не запирались, и помню, как благодарно мелькнула мысль «не надо думать, где и у кого ключ!». Схватив аппаратуру, мы выбежали обратно и вместо пустынной площадки оказались в толпе. Я никогда не думал, что на «Нефтяных» столько народу. И сразу испуг — как найти Кармена? Ведь они с управляющим обязаны поплыть к огню, а мы? Где зыбкое судно? Загудели завывли корабельные сирены, закричали-зашумели люди, раззвучили слух женский истеричный крик... И вдруг, переключая все, раздалось: «Сережа! Камеру!» Продираясь сквозь ряды стоящих, мы кинулись на голос, но он, перемещающийся в этом человеческом месиве, все удалялся от нас: «Сережа! Камеру! Камеру!».

Наконец, выскочив из толпы, я вижу бегущего куда-то Кармена. Очевидно, он так же боится потерять из виду управляющего, как мы своего режиссера. Бежим, наткаясь на встречных. Впереди — управляющий, за ним — Кармен, за Карменом — я, за мной — Алеша. Около эстакады — катер, еще не отдавший концы. Управляющий останавливается. Он явно хочет прыгнуть вниз, и я с тревогой думаю, что это погубит все дело. Нам некуда «приземлиться» — металлическая палуба вся в каких-то люках, кнехтах, стойках, и, кроме того, до нее метров шесть, а катер качается на волнах... Но если управляющий прыгнет, то по виду Кармена понятно, что прыгнет и он, а значит, и мы с «Конвасом». И все обязательно поломаем ноги, а камера разобьется. Съемки не будет, это мне ясно. «Ну, хоть бы Кармен подскзал!», — думаю. Но Кармен молчит. Управляющий, как парашютист перед выброской, стоит у самого края эстакады и раза два-три чуть не срывается с рокового старта. Кармен ждет. Но вот управляющий машет капитану рукой и бежит к другому причалу, до которого метров 200. Там вразнобой воют сирены и рвут воздух гудки каких-то судов. Кармен кидается за бегущим, я — за ними. Я не отдаю Алеше «Конвас», так как боюсь, что он отстанет и я окажусь без камеры. Тяжелый кофр и аккумулятор у меня сбоку. На бегу они больно бьют по бедру, тянут куда-то в сторону. Наша кавалькада несется к причалу. Сердце прыгает где-то у самого горла, дыхания не хватает. Навстречу по эстакаде с грохотом проскакивают машины, бегут люди, то и дело стучаясь с мой сундук, который становится все тяжелее и тяжелее. Наконец причал. Какое-то судно уже развернулось и отходит к месту пожара, но капитан чудом увидел управляющего, несмотря на неумолчный рев корабельных сирен, услышал его крики, и вот судно уже отбавляется назад, подает корму к причалу, и мы прыгаем на палубу. Не в силах сказать друг другу ни слова, смотрим на горизонт. Удивительного огненного столба уже нет. В сгустившейся тьме иногда вскидываются какие-то неяркие вспышки, и там, где недавно все пылало, крутилось и угрожало, постепенно воцаряется чернота.

...Мерно рокочет корабельная машина. В рубке тягостное молчание. Рядом параллельно с нами спешит, торопится еще одно судно. Но снимать нечего. Впереди по курсу густая непроницаемая тьма. Наш капитан начинает связываться по радио с паромходом.

«Газовый выброс и саморозгорание граффитона. Извержение грязевого вулкана. Столб пламени около 300 метров. После недолгого извержения фонтан потас», — сообщили газеты на другой день.

— Роман Лазаревич, — спросил я потом Кармена. — А почему вы там, над катером, не крикнули управляющему, что прыгать нельзя? Ведь у нас не было шансов остаться целыми и невредимыми. А вдруг бы он взял да прыгнул?

— Запишите в свою книжечку, Сережа, кинохроникер никогда не должен командовать своими героями. Нужно просто быть рядом с ними, что бы они ни делали!

— Это я запишу, — сказал я ехидно. — Но представляете себе, какие бы мы сняли уникальные кадры, если бы спокойно поставили камеру на штатив и сняли извержение прямо от кинотеатра?

— А еще запишите, — улыбулся Кармен, — что кинохроникер никогда не застрахован от «накладки». И пожалуйте, подчеркните это жирной чертой. Потому что иметь дело с живой жизнью — это значит рисковать...

И, помолчав, упрямо добавил:

— А все-таки мы поступили правильно!

И я так четко ощутил, что для него никогда не кончится Испания, не кончится Великая Отечественная, когда он летал на бомбежку, и, улыбаясь в тот вечер на «Нефтяных» — «Надо спасать людей», он хоть и вспоминал о камере, но главным для него было оказаться там, где пылает огненный столб и разливается горящая нефть. Потому он и крикнул: «Сережа, камеру!», а не побежал за ней сам...

«Запишите-ка в свою книжечку...» — не сосчитать сколько раз я слышал от Кармена этот лукавый совет Шутливый, потому что книжечки-то не было. И все-таки, потому что за каждой фразой стоял профессиональный опыт Романа Лазаревича, его мысли и добро отношение к ассистенту, которому он видел не живого причуда к штативу, а товарища по работе. И поэтому, очень страшно было не оправдать доверие Кармена подвести его.